

А. В. Циммерлинг (Москва)

О СПЕЦИФИКЕ СИНТАКСИСА

Автор этой статьи принадлежит к поколению, испытавшему влияние М. И. Стеблин-Каменского в основном заочно — по его трудам в области германского и общего языкознания, поэтике древнескандинавских памятников и замечательным переводам последних на русский язык. По ходу моей деятельности мне неоднократно приходилось возвращаться к проблемам, поднятым М. И. Стеблин-Каменским, и решениям, предложенным в его работах. Размышляя о почти непредставимом разнообразии публикаций Михаила Ивановича — от поэтики исландской саги до основ фонологии, — я понимаю теперь, что он всю жизнь возвращался к волновавшей его теме — доказательности лингвистических и филологических методов. Эта тема наиболее остро звучит в замечательной книге «Спорное в языкознании» (1974). Одна из статей, включенных М. И. Стеблин-Каменским в данный сборник, носит название «О предикативности»; впервые она была опубликована в 1956 г. В этой статье М. И. Стеблин-Каменский подчеркивает тавтологичность понятия «предикативность», используемого в традиционном языкознании в значении «то, что делает предложение предложением», или «то, что делает сказуемое сказуемым»¹. Тем не менее «предикативность», парадоксальным образом, — нужное слово, так как способность быть сказуемым может быть присуща членам предложения и их элементам, которые сами не являются сказуемыми тех элементарных предложений, где они представлены, ср. англ. I see him *come*, We all went home, He *remaining behind*². Вообще, между структурой предложения и логической формой суждения нет прямой связи³. Напротив, между предикативностью и суждением такая связь есть, ибо «наличие сказуемого (т. е. предикативности) в предложении указывает на способность этого предложения выражать суждение»⁴. В данном случае, насколько я понимаю, критика М. И. Стеблин-Каменского построена на том, что, хотя лингвистическая терминология выводима из логико-философской, между языковыми и логическими структурами нет прямой со-

относительности: можно выделить разные уровни репрезентации предикативных объектов, но теория должна учитывать отсутствие изоморфности между этими уровнями.

Наблюдения за ходом лингвистической мысли в конце XX в. убеждают, что комплекс поднятых М. И. Стеблин-Каменским проблем актуален в полной мере, только центр тяжести дискуссии переместился с пары понятий «сказуемое/предикат» на пару «подлежащее/субъект»⁵. При этом многие авторы, отрицавшие универсальность категории подлежащего, пытались вывести ее из предположительно более ясных формально-грамматических, или когнитивных, сущностей, элегантно называемых «привилегированной именной группой», «темой», «психологическим/коммуникативным субъектом» и т. п. Данные попытки заслуживают специального разбора. В настоящей заметке мы хотели бы, следуя металингвистическому подходу М. И. Стеблин-Каменского, предложить свой вариант ответа на более общий вопрос:

— В чем специфика синтаксиса?

или:

— Что именно делает синтаксис синтаксисом?

1. Предмет синтаксиса

В научной литературе вопрос о предмете синтаксиса ставится либо как вопрос о месте синтаксического компонента в том механизме распознавания и порождения, который принято называть грамматикой, либо как вопрос о специфике синтаксических единиц (предложения, словосочетания и т. п.) или синтаксических отношений (например, субъектно-предикатных, субъектно-объектных отношений, отношений управления, согласования и т. п.).

Авторы большинства работ дают определения синтаксиса в рамках некоторой глобальной доктрины (грамматика Хомского, модель «Смысл \Rightarrow Текст», функционализм, когнитивизм и т. п.), предположительно пригодной для описания всех языков мира⁶. Но такие определения непосредственно отвечают лишь на вопрос о задачах синтаксиса в данной доктрине, и их можно отвергнуть вместе с исходными допущениями. К примеру, Н. Хомский в работах разных лет настаивал на том, что роль синтаксиса состоит в построении упорядоченного дерева предложения с бинарным членением из заданного в словаре исходного набора морфологически неохарактеризованных элементов (так называемый базовый компонент синтаксиса)⁷. Этот подход был опробован на материале английского языка и одновременно заявлен в качестве метода построения универсальной грамматики. Многие противники Хомского отметили, что при описании других языков информацию о согласовательных свойствах слов проще ввести в разделе морфологии⁸, а эвристический прием ввода мор-

фологических категорий в процессе порождения «синтаксических деревьев» удобен из-за специфических черт английского языка (малого числа морфологических показателей и жесткого порядка слов, где смежные элементы регулярно оказываются в иерархических отношениях⁹. Если отрицать существование морфологически неохарактеризованных элементов, часть синтаксических (в хомскианском понимании) правил будет ненужной¹⁰. Очевидно, такое решение в свою очередь не удовлетворит тех, кто отвергнет допущение о том, что грамматические правила действуют над словами с полным набором аффиксов и флексий.

Некоторые ученые предлагают отталкиваться от материала конкретного языка и подбирать для него ту теорию, которая проще и объясняет больше фактов. Радикальное проведение подобного подхода сводится к тезису о том, что единого определения синтаксиса нет¹¹ и что его компетенция зависит от типа языка (флексия, агглютинация, корнесоляция, инкорпорация, фиксированный/свободный порядок слов)¹². В работах подобного толка можно встретить эпатирующие тезисы вида «в языке К есть и морфология, и синтаксис», «в языке L нет синтаксиса», «в языке M нет морфологии», так как «информацию, называемую в описании языка К „правилами синтаксиса“, при описании языка L удобно дать в разделе о классах слов»¹³, а при описании языка M, напротив, всю информацию о классах слов вводить правилами синтаксиса¹⁴. Данный путь возводит удобство описания в ранг главного принципа грамматики, что делает перспективы теоретической лингвистики туманными.

Остается третий путь — ограничить круг понятий, необходимых для общей теории синтаксиса и максимально независимых от выбора доктрины; при данном подходе правомерно потребовать, чтобы теория синтаксиса не зависела от решения вопроса об автономности формы языка от значения, ср. дискуссию между генеративистами и структуралистами¹⁵. Главным ориентиром при этом становится сравнение синтаксиса естественных и искусственных языков.

Греческий термин *σύνταξις*, как известно, значит «упорядоченный строй», «составление», «построение». В формальных языках, примерами которых служат языки комбинаторной логики и алгоритмические языки, под «синтаксисом» понимают совокупность правил вывода и теорем о свойствах данной аксиоматической системы¹⁶. В естественных языках «синтаксисом» обычно называют совокупность правил, позволяющих строить правильные с точки зрения носителя данного языка сложные объекты («предложения», «правильно построенные синтаксические структуры»), состоящие из слов или блоков слов («элементарных составляющих», «синтаксических групп») данного языка. Из этого видно, что общим для синтаксиса формального и естественного языков служит понятие *исчисления* (цепочек символов, высказываний, предикатов), опирающееся на оценку *правильно/неправильно*. Оценка *правильно/неправильно* рас-

пространяется на сложные синтаксические объекты, которые могут быть оценены как неправильные, даже если их элементы аномалий не содержат¹⁷.

Данный факт является главным основанием в пользу признания двухуровневой природы синтаксиса. Чтобы процедура порождения/распознавания правильно построенных структур работала эффективно, нужно ввести уровень элементарных составляющих, сохраняющих свою дискретность в составе сложных объектов. Дискретность, т. е. принципиальная вычленимость элементов, — специфическая черта синтаксиса как уровня организации естественного языка, а не свойство формализма; с помощью порождающей грамматики можно порождать не только предложения, но и любые другие структурные объекты, например слоги, морфемы или словоформы. Однако по отношению к системам с элементарными объектами, меньшими чем слово, условие дискретности не соблюдается. Так, русское предложение *Васька вчера понадкусывал котлет на кухне* задает целый ряд иерархических отношений (между подлежащим и сказуемым, между основным глаголом и обстоятельством времени и т. д.) и линейных отношений (предложение начинается с подлежащего *Васька*, предлог *на* непосредственно предшествует существительному *кухня* и т. д.), причем все слова данного предложения остаются его непосредственными составляющими, т. е. показывают нижний предел синтаксической членимости. Нетрудно убедиться, что сложное выражение *понадкусывал*, состоящее из сегментов *по-*, *над-*, *кус-*, *ыва-*, *-л*, не удовлетворяет критерию дискретной вычленимости морфов. Приставка *по-* присоединяется слева не к корню *-кус-* и даже не к соседней приставке *-над-*, а к производящей основе *надкусывать* [*над[кусывать]*] → [*по[над[кусывать]]*], нет и не может быть такого уровня организации словоформы *понадкусывал*, на котором две приставки *по-* и *над-* одновременно присоединяются к основе **кусывать*; равным образом, грамматически правильное выражение *покусывал* (ср. рус. *Васька несильно покусывал своего хозяина*) не может быть признано непосредственной составляющей выражения *понадкусывал*, несмотря на то что все его составные части являются морфемами этого слова¹⁸. Столь же иллюзорна провозглашенная Е. Куриловичем¹⁹ аналогия между предложением и слогом: слог как интегральная сущность несводим к линейной последовательности экспонентов фонем, а фонемы не являются дискретными, однозначными вычленимыми, отрезками звучащей речи.

2. Ранги и единицы синтаксиса

В большинстве работ допускается, что сложные синтаксические объекты, называемые *конструкциями*, имеют нетривиальные свойства, не выводимые из свойств составляющих, но обуслов-

ленные функцией или значением данного класса выражений, отсюда термины *предикатная / атрибутивная конструкция, конструкция пассива, конструкция придаточного, посессивная конструкция, адресатная конструкция* и т. п. В других концепциях необходимость выделения двух уровней, или рангов, в синтаксисе отрицается. Это возможно либо за счет того, что информация об элементах предложения, касающаяся их способности формировать некоторый набор «конструкций» в языке L, закладывается в определение словарных единиц данного языка (сочетаемостьные ограничения, модель управления, перечень занимаемых позиций, стандартная ролевая семантика и т. д.)²⁰, либо за счет того, что все свойства синтаксических структур в языке L выводятся из правил универсальной грамматики²¹. Значимость противопоставления двух- и одноранговых концепций синтаксиса преувеличена. Расхождения между ними касаются не столько статуса синтаксических единиц, сколько соотношения синтаксиса и морфологии. Редукционистские концепции первого типа, объявляющие синтаксические структуры проекцией морфологических или лексических ограничений языка L, предлагают рассматривать правила построения словосочетаний и предложений в разделе морфологии, а редукционистские концепции второго типа, напротив, стремятся свести всю грамматику к синтаксису.

Концепций, где отрицалась бы дискретность элементарных синтаксических единиц, как будто нет. Однако статус минимальных единиц синтаксиса может определяться по-разному. Большинство ученых признают минимальной составляющей предложения словоформу, т. е. устойчивый комплекс морфем, способный формировать осмысленное сообщение в изолированном употреблении и линейно неразложимый на меньшие компоненты, обладающие указанным свойством²². С. Андерсон учитывает в качестве синтаксических элементов клитики, которые он трактует как значащие элементы, переходные между морфемами, т. е. минимальными значащими единицами и словоформами²³. Для решения большинства проблем синтаксического описания представление о континууме значимых единиц излишне. Традиционная точка зрения, признающая минимальной единицей синтаксиса словоформу, а не морфему, заслуживает предпочтения.

Термин «уровень» в литературе, посвященной проблемам синтаксиса, часто резервируется не для соотношения элементарных и сложных единиц, а для обозначения отношения синонимии или близости предложений, имеющих разную внутреннюю форму, например рус. *У него есть дом* и *Он имеет дом*, англ. *John built the house* и *The house is built by John*. Для описания преобразований, связывающих между собой подобные предложения, Н. Хомский ввел понятие *глубинной структуры*²⁴. Обычно глубинная структура понимается как инвариант относительно всего множества синтаксических преобразований предложения (ср., однако, возражения, выдвинутые против

этой точки зрения²⁵). Допущение о наличии языка глубинных структур необязательно; в последних версиях грамматики Хомского его нет.

3. Аспекты синтаксиса

Имеет смысл различать три аспекта синтаксиса по типу отношений между единицами: а) *иерархические отношения*, б) *линейные отношения* и в) *отношения части и целого (полноты/неполноты)*. Некоторые авторы резервируют термин «синтаксические отношения» лишь для иерархических отношений²⁶. Альтернативный подход состоит в том, чтобы признать все механизмы, регулирующие отношения линейного порядка элементов и необходимость их эксплицитного наличия/отсутствия, собственно синтаксическими, если они носят *запретительный* характер²⁷ и блокируют появление структур определенного вида; в этом случае они могут быть названы *синтаксическими ограничениями* (constraints, conditions).

Понятие синтаксического ограничения — краеугольный камень любой теории синтаксиса, понимаемого как процедура исчисления сложных объектов, складывающихся из дискретных элементов. Понятие грамматического как *регулярного* и *обязательного*²⁸, необходимое для адекватного описания грамматических значений и значений морфологических категорий²⁹, для описания синтаксических явлений — слишком слабое средство. При выделении синтаксических категорий³⁰ критерий *грамматическое* = *обязательное* уместен: можно постулировать категорию «синтаксического наклонения», принимающую значения «сообщение», «вопрос», «императив», «восклицание», и доказывать, что она присуща предложению англ. John often kisses Mary в силу того, что любое законченное предложение английского языка является сообщением, или вопросом, или императивом, или восклицанием. Но описать за счет введения новых категорий запрет на вставку обстоятельства often между финитным глаголом kisses и прямым дополнением Mary нельзя. Если взять множество линейных перестановок, сохраняющих смысл «Джон часто целует Мэри», то окажется, что одной аномальной комбинации *John kisses often Mary соответствует более одной грамматичной, ср. John often kisses Mary, John kisses Mary often. Отсюда следует, что критерий обязательности по отношению к форме сложного синтаксического выражения не всегда проходит: наличие запрета на некоторое сочетание элементов не означает, что лишь одно сочетание тех же элементов будет правильным. В свою очередь чисто формальная модель грамматики как системы запретов не годится для морфологии, так как игнорирует проблему грамматического значения. Тем самым морфология и категориальная грамматика, с одной стороны, и теоретический синтаксис, — с другой, опираются на разные критерии грамматической правильности.

Иногда против представления о синтаксисе как системе нормативных запретов выдвигают тот довод, что при перестановке элементов некоторого предложения или их опущении порой возникают грамматичные предложения³¹. Это недоразумение: понятие запрета должно применяться для отсева неправильно построенных структур, а не для доказательства того, что данная цепочка элементов является единственно возможной.

4. Предложение

А. М. Пешковский определял синтаксис как «отдел грамматики, в котором изучаются формы словосочетаний»³². Другие авторы признают теории словосочетания и предложения подразделами синтаксиса. Некоторые представители редуccionизма объявляют основной единицей синтаксиса слово (словоформу), но оговаривают, что такой подход годится не для всех языков³³. Напротив, классики европейского структурализма считали основной единицей синтаксиса элементарное, т. е. независимое, монопредикатное предложение и отмечали особый статус предложения как максимальной единицы языка и минимальной единицы речи, обладающей предикативностью, т. е. соотношенной с внеязыковой действительностью³⁴. Е. Курилович и П. Дидериксен особо настаивали на том, что законченное предложение является *замкнутой структурой* и не может выступать в качестве элемента другой структуры³⁵; при таком подходе им, естественно, пришлось делать оговорку о том, что части *сложноподчиненного* предложения структурной замкнутостью не обладают.

Стремясь обосновать специфику предложения, Э. Бенвенист писал, что в отличие от «фонемы, морфемы и слова (лексемы)», имеющих «дистрибуцию на своем уровне и употребление на высшем», «для предложений не существует ни законов дистрибуции, ни законов употребления»³⁶. Он утверждал также, что предложение «не составляет класса различных единиц», что все типы предложений сводятся к одному — «предложению с предикативностью» и что «разных видов предикации не существует». Эти положения Бенвениста явно неприемлемы. Чтобы объяснить воспроизводство предложений в любом языке, нужно изучать их форму и понять запреты, накладывающиеся на их дистрибуцию; так, в русском языке структурная схема $N_{\text{dat pers}} - V_{\text{link}} - P_{\text{red}}$, ср. рус. *Ему было весело*, предполагает, что позиция $N_{\text{dat pers}}$ занята одушевленным существительным. Чтобы понять значение предложения рус. *Мне было весело*, нужно, кроме того, отвергнуть тезис о том, что разных видов предикации не существует, и выделять разновидности предикации в предложениях вроде рус. *Ему весело*, *Он веселый*, *Он веселится*, что задолго до появления обсуждаемой работы Бенвениста (1962 г.) было сделано Л. В. Щербой³⁷.

Данный пример показывает, что помимо конкретных, актуализованных в речи предложений, разбором которых предлагал ограничиться Бенвенист, необходимо изучать абстрактные предложения как грамматические шаблоны, порождаемые по определенным правилам: в отечественной лингвистике это было впервые последовательно сделано в вышедшей под редакцией Н. Шведовой «Грамматике современного русского литературного языка»³⁸.

Итак, синтаксис естественного языка строится как процедура исчисления сложных структурных объектов, складывающихся из дискретных единиц. Минимальной синтаксической единицей является словоформа. Условие дискретности элементарных единиц не всегда соблюдается на других уровнях организации языка. Максимальной единицей синтаксиса служит предложение, изучаемое в двух основных аспектах: как конкретная единица и как член класса единиц. В компетенцию синтаксической теории входит изучение всех аспектов, касающихся линейного развертывания, иерархической организации и отношений типа часть / целое, устанавливающихся внутри предложения, а также изучение всех факторов порождения классов предложений, в том числе анализ соотношения предложений и сверхфразовых единств, предложений и групп меньше предложения, а также анализ регулярных соответствий между структурными схемами классов предложений и сущностями плана содержания. Специфическим для синтаксиса является понятие грамматического запрета. Порождение конкретных предложений и воспроизводство классов предложений обеспечиваются системой запретов. Понятия грамматически правильного как обязательного для синтаксической парадигматики недостаточно. И наоборот, чисто формальная модель грамматики как системы запретов не годится для морфологии, так как игнорирует проблему грамматического значения. Данный факт служит серьезным аргументом против редукционистских концепций грамматики, сводящих порождающее / распознающее устройство либо только к синтаксису, либо только к морфологии.

¹ Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л., 1974. С. 39.

² Там же. С. 41.

³ «По-видимому, логическая двучленность, т. е. способность выражать суждения, вообще отнюдь не обязательно подразумевает грамматическую „двусоставность“, т. е. наличие не только сказуемого, но и подлежащего, и наоборот, грамматическая двусоставность, т. е. наличие в предложении не только сказуемого, но и подлежащего, вовсе не обязательно подразумевает, что субъект суждения будет в таком предложении совпадать с подлежащим» (Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л., 1974. С. 46).

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Keenan E. L. Towards a universal definition of «subject» // Subject and topic / Ed. Ch. Li. New York, 1976. P. 303–333; Козинский И. Ш. О категории «Подлежащее» в русском языке // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. М.,

1983. Вып. 156; *Kibrik A. E.* Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology // *Linguistic Typology*. 1997. P. 279–346.
- ⁶ *Пешиковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938. С. 64; *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. Публикации ОСиПЛИ. Серия переводов. М., 1972. Вып. 1. С. 19–21, 71–74; *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. М.; Вена, 1997. Т. 1. С. 207–219. (*Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 38/1*); *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Пер. с фр. М., 1974. С. 138–140; *Anderson S. P.* The Wackernagel revenge // *LANG*. 1993. Вып. 1. P. 68–93.
- ⁷ *Хомский Н.* Синтаксические структуры // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. II. М., 1962. С. 412–527; *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса.
- ⁸ *Поливанова А. К.* Что такое синтаксис? // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999. С. 104.
- ⁹ *Nash D.* Topics in Warlpiri Grammar. Outstanding dissertations in linguistics. Cambridge, 1986. P. 154; *Мельчук И. А.* Указ. соч. С. 269–270.
- ¹⁰ *Nash D.* Op. cit. P. 13.
- ¹¹ *Поливанова А. К.* Указ. соч. С. 99.
- ¹² Там же. С. 105; *Hale K.* Warlpiri and the grammar of non-configurational languages // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1983. V. 1. P. 5–47; *Anderson S. P.* Op. cit. P. 69, 84, 89, 95.
- ¹³ Подобные утверждения нередко делают ученые, описывающие флективные языки с большим числом словоизменительных показателей (санскрит, варьпири, русский). Выражается мнение о том, что ряд языков лишен «синтаксических правил» или «синтаксических отношений» (см.: *Kibrik A. E.* Op. cit. P. 287, 299).
- ¹⁴ По данному шаблону выстроена гипотеза К. Хейла о так называемых конфигурационных языках (*Hale K.* Op. cit.). К. Хейл предлагает делить языки на два класса, исходя из того, легко ли построить для них упорядоченное дерево предложения с бинарным членением. Если нет, то язык объявляется лишенным «базового компонента синтаксиса».
- ¹⁵ *Хомский Н.* Синтаксические структуры. С. 449, 518; *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985. С. 237.
- ¹⁶ *Математическая энциклопедия*: В 5 т. М., 1984. С. 1182–1185.
- ¹⁷ Ср. прежде всего аномальные цепочки из реально существующих слов. Н. Хомский приводит примеры, где неправильность возникает из-за нарушения линейного порядка, ср. англ. *sincerity frighten may boy the, англ. *boy the frighten may sincerity (см.: *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. М., 1972. С. 72). Более отдаленное отношение к данной проблеме имеют конструкции с правильно построенными цепочками из фиктивных словарных единиц, имеющих реально представленные в данном языке грамматические показатели вроде рус. *Глокая куздра штеко бодалула бокра* (Л. В. Щерба), англ. *Pirots karulize elatically*, или конструкции с правильно построенными цепочками из реально существующих словарных единиц, лишенных стандартной семантической интерпретации вроде англ. *Colorless green ideas sleep furiously*, букв. «Бесцветные зеленые идеи яростно спят» (Н. Хомский). Статус таких выражений как *правильных/неправильных* интуитивно неочевиден и зависит от соглашений, принимаемых в данной грамматической концепции. Н. Хомский в работе 1957 г. «Синтаксические структуры» пытался с помощью таких конструкций доказать автономность формы от значения (см.: *Хомский Н.* Синтаксические структуры С. 449, 518). Р. О. Якобсон, критикуя Хомского со структуралистских позиций, утверждал, что любое грамматически правильное предложение осмысленно (см.: *Якобсон Р.* Избранные работы. С. 237). По моему мнению, подобные конструкции непосредственно иллюстрируют постулат о примате грамматического значения над лексическим значением, а к обоснованию специфики синтаксиса прямого отношения не имеют.

- ¹⁸ Данный пример наглядно показывает, что при рассмотрении сегментных единиц морфологии (морфов, словоформ) нельзя отвлекаться от их плана содержания (см.: Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 22–33).
- ¹⁹ Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 35.
- ²⁰ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С. 360; *Nash D.* Op. cit. P. 13, 164.
- ²¹ *Chomsky N.* A Minimalist Program for Linguistic Theory // The view from building 20 / Ed. K. Hale, S. L. Keyser. Cambridge, 1993; Любопытно, что внешне теории двух данных типов имеют мало общего. Теории первого типа служат для обоснования специфики языков со свободным порядком слов и богатой морфологией, их авторы подчеркивают, что в таких языках элементом построения предложений служат отдельно взятые морфологически охарактеризованные слова, а группы членов предложения («глагольная группа», «именная группа») неразвиты (см.: Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С. 363; *Nash D.* Op. cit. P. 13, 164). Число субстанциональных элементов предложения может быть велико, набор классов слов устанавливается для каждого языка отдельно. Теории второго типа развиваются в рамках универсальной грамматики, их авторы постулируют существование строго ограниченного числа субстанциональных элементов («лексических категорий»), которые трактуют как группы — «глагольная группа», «именная группа», «группа прилагательного», «предложная группа» (см.: *Chomsky N., Lasnik H.* Syntax in generativen Grammatik // Syntax: An International Handbook of Contemporary Research. Berlin; N. Y., 1993. P. 513), утверждается, что предложения всегда складываются из предварительно упорядоченных групп.
- ²² Данный критерий является слишком сильным, что побуждает И. А. Мельчука допустить разные степени коммуникативной самостоятельности словоформ и выделять разные степени «автономности», т. е. способности к самостоятельному употреблению. Так, в русском примере *Профессор читает газету* все три словоформы признаются «сильно автономными», поскольку они могут формировать однословные сообщения (ср. *Что делает профессор? — Читает*), а в его французском соответствии фр. *Le professeur lit un journal* такому критерию удовлетворяют лишь обе именные группы, в то время как глагол *lit* «читает» признается «слабо автономным», как «остаток от полного высказывания после вычитания из него всех сильно автономных знаков» (см.: Мельчук И. А. Указ. соч. С. 160; Бенвенист И. Указ. соч. С. 134). Нетрудно заметить, что критерий «слабой автономности» основан на допущении о том, что все элементы «полных высказываний» принадлежат одному уровню, а такое знание, вопреки И. А. Мельчуку, может быть получено только путем синтаксического анализа, т. е. построения дерева предложения, а не путем перебора «полных высказываний» как синтагматических объектов. Мельчук И. А. Указ. соч. С. 158.
- ²³ *Anderson S. P.* Op. cit. P. 76–83.
- ²⁴ Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса.
- ²⁵ Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974. С. 23; Понятие синонимии предложений, используемое для обоснования понятия глубинной структуры Е. В. Падучевой, само опирается на презумпцию существования уровня, на котором происходит отождествление смыслов предложений, имеющих разный состав и (или) порядок элементов.
- ²⁶ *Kibrik A. E.* Op. cit. P. 287.
- ²⁷ *Ross J. R.* Constraints on variables in Syntax. Ph. D Dissertation, MIT. 1967.
- ²⁸ См. эксплицитное определение критериев обязательности и регулярности в работе: Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 25.
- ²⁹ Там же; *Якобсон Р.* Указ. соч. С. 233–234.

- ³⁰ Выделение синтаксических категорий имеет давнюю традицию, см. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938. С. 59–61.
- ³¹ *Поливанова А. К.* Указ. соч. С. 101.
- ³² *Пешковский А. М.* Указ. соч. С. 62–66.
- ³³ *Мей А.* Указ. соч. С. 360; *Nash D.* Op. cit. P. 13, 164.
- ³⁴ *Бенвенист Э.* Указ. соч. С. 138, 139.
- ³⁵ *Diderichsen P.* Elementær Dansk Grammatik. København, 1946.
- ³⁶ *Бенвенист Э.* Указ. соч. С. 139.
- ³⁷ *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке. М., 1928.
- ³⁸ Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Шведова. М., 1970. С. 541–595.